

Авторы: Галина УЛЬЯНОВА, Михаил ЗОЛОТАРЁВ

В Европе **игорные дома** возникли еще в Средние века. Карточные игры в XVIII–XIX веках настолько распространились, что игорный **бизнес процветал**. Дошло до того, что количество потерянной недвижимости, растроченных капиталов и разбитых судеб стало подрывать основы общественного спокойствия. Было решено **«искоренить заразу»**. В 1839 году закрылись игорные дома во Франции, чуть позже — в Англии. В 1868 году был издан закон о закрытии игорных домов в Германии, и знаменитые заведения в Баден-Бадене, Эмсе, Висбадене, Гамбурге и других местах исчезли, будто бы их и не было.

АЗАРТНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ

Здание Московского купеческого собрания (Купеческий клуб) на Малой Дмитровке.
Архитектор И.А. Иванов-Шиц. Начало XX века. (Сейчас – театр «Ленком»)

Единственным заповедным местом в Европе, где игорные дома сохранились, стало крохотное княжество Монако на берегу Средиземного моря. Сюда, в небольшой, но вечно праздничный город Монте-Карло, и двинулись азартные игроки.

Русских игроков в Монако всегда ожидали с вожделием. Чего стоил только приезд миллионера Н. Д. Стахеева (заработавшего свои капиталы на торговле хлебом, чаем, текстилем и вином по всей России): когда он появлялся в Монте-Карло, то, как говорили, курс акций казино сразу повышался.

Для Стахеева игра была наркотиком, он уходил из казино с остановившимся взглядом, что-то безумно шепча, и на следующий день в надежде отыграться вновь был в числе первых посетителей.

Переехав в Москву, уроженец города Елабуги Стахеев мощно вкладывал деньги в недвижимость, в частности, купив огромный доходный дом (стоимостью под миллион рублей) на Тверской, дом № 6 на Мясницкой, дом № 3 в Лубянском проезде — всего 11 дорогостоящих зданий. Купить-то купил, а потом стал ездить в Европу, где увлекся игрой. Играл сразу по-крупному, точно иллюстрируя наблюдение Федора Михайловича Достоевского о русских за границей, что «русским вообще ужасно хочется показать.., что у них необъятно много денег».

Видя, как муж спускает один дом за другим и все тратит на игру, предусмотрительная супруга Стахеева переписала на себя роскошный особняк на Новой Басманной, № 14 (где после революции разместился Центральный дом детей железнодорожников, а лет тридцать назад в роскошных интерьерах снимали фильм «Семнадцать мгновений весны»).

Проигрыши Стахеева были такими оглушительными, что, по слухам, после революции 1917 года в эмиграции во Франции он до своей смерти в 1933 году жил на пенсию, которую ему платило то казино, в котором он просядал особенно крупные суммы. Не зря говорят, что «судьба — злодейка, а жизнь — копейка».

Но вернемся к карточной игре. Хоть игорные дома повсюду (кроме Монако) запретили, азарт-то остался кипеть внутри. Вот и переключились все на карточную игру. А как еще отдыхать после трудов праведных? Ведь тогда телевизоры, компьютеры и даже автомобили еще не существовали. Короче: фильм с футболом не посмотришь, на компьютере не поиграешь и в интернете не побродишь, да что там — в путешествие не поедешь, если нет собственного конного выезда, многочисленной прислуги да капитала в придачу.

Что ж прикажете делать долгими зимними и не зимними вечерами? Вариантов немного. Съездить на бал — но не всяк охотник «танцевать». Заняться вышиваньем или бисероплетеньем — тоже на любителя... И вот есть вариант, который подходит для всех, — перекинуться в картишки. Можно и небольшой банк составить, так сказать-с, банчок...

Откуда пошла карточная игра? Откуда взялись сами карты — эта «экипировка» игры?

Изобретение карт приписывается сразу нескольким народам, наиболее часто из которых называют два — китайцев и индусов. Нет твердого мнения о времени появления карт в Европе. Одни считают, что первые игорные дома возникли в Италии еще в XII веке, другие пишут, что первое документальное свидетельство об игральных картах можно

Монте-Карло. Казино

датировать 1379 годом. Очевидно только то, что, как и шахматы, карточная игра пришла в Европу из Азии.

Четыре масти карт отражают время их возникновения — XIV–XV века, когда расцвела рыцарская культура. Масти изображают четыре главных предмета в рыцарской жизни. Трефы — эмблема меча, пики — эмблема копья, бубны — эмблема герба, черви — эмблема щита. В XV веке обозначения мастей получили вид, который дошел до наших дней, и соответствующие французские названия: черви (coeur), бубны (carreau), трефы (trefle), пики (pique).

Страсть к игре достигла наивысшего накала при дворе французского «короля-солнца» Людовика XIV в конце XVII–начале XVIII веков. Это повальное увлечение сопровождалось шулерством, причем шулеры проникали даже в самые аристократические кружки игроков. И вот тут выигрыши и проигрыши в карты отражались на судьбе недвижимого имущества игравших. На карточных долгах прогорали владельцы роскошных замков. Вчерашние баловни судьбы закладывали и перезакладывали особняки, а то и вовсе вынужденно продавали их.

А что же в России? Слава богу, что мы всегда запаздывали лет на двести–триста по сравнению с Европой не только в хорошем, но и в плохом.

Карты у нас появились в XVII веке, и отношение к ним сразу было, мягко говоря, настороженное. В 1649 году при

Αἰετοῦ εἰδοῦ-ἰαῦ ἃ ἱταῖ ἄαἰεε ἰἱνεῖαπεῖαῖ Εῶῖᾶ-απεῖαῖ εἰῶᾶ ἰᾶ ἰ αἰῖε Αἰ εῶῖαεᾶ. Αἰεῶαεῶῖῶ Ε.Α. Εᾶἰῖᾶ-ῶεῶ. ἰᾶ-αἰῖ Ὀῶ αᾶεᾶ.

Εἰδοῦ-ἰαῦ ἃ ἱταῖ ἄαἰεε ἰἱνεῖαπεῖαῖ Εῶῖᾶ-απεῖαῖ εἰῶᾶ ἰᾶ ἰ αἰῖε Αἰ εῶῖαεᾶ. Αἰεῶαεῶῖῶ Ε.Α. Εᾶἰῖᾶ-ῶεῶ. ἰᾶ-αἰῖ Ὀῶ αᾶεᾶ.

Αἰετοῦ εἰδοῦ-ἰαῦ ἃ ἱταῖ ἄαἰεε ἰἱνεῖαπεῖαῖ Εῶῖᾶ-απεῖαῖ εἰῶᾶ ἰᾶ ἰ αἰῖε Αἰ εῶῖαεᾶ. Αἰεῶαεῶῖῶ Ε.Α. Εᾶἰῖᾶ-ῶεῶ. ἰᾶ-αἰῖ Ὀῶ αᾶεᾶ.

царе Алексее Михайловиче появился фундаментальный свод законов под названием «Соборное уложение», в котором говорилось, что надо с игроками в карты поступать как с ворами, а именно: бить кнутом и отрубать руки и пальцы. Видимо, такие воспитательные приемы должны были отбить пагубную страсть... В 1696 году появился еще один закон, предписывавший наказывать тем же «битьем кнутом» не только застуканных за игрой, но и подозреваемых в том, что у них есть карты. Если при обыске карты находили, то следовало наказание (см. выше).

Российское государство противодействовало карточной игре строго. При Петре I издали Воинский устав, по которому запрещалось на деньги играть в карты или кости военным. Дальше — больше. Запретили играть на деньги всем, а если кого ловили, то накладывали штраф, сумма которого была втрое больше суммы, поставленной на банк. Короче, кто хотел больше выиграть, того больше и штрафовали. А чтобы стимулировать поимку картежников, треть штрафа (как было записано в законе) шла в награду доносчику.

Но народ играть не переставал, а наоборот, игра ширилась. Да и что было делать, к примеру, помещикам в своих разбросанных по нашей бескрайней территории усадьбах в долгие зимние вечера — ведь зима у нас, даже если брать по минимуму, шесть месяцев в году. Так, под завывающие вьюги и играли. Как говорил Иудушка Головлев своей маменьке: «Теперича в поле очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки — все замело. Опять же волки. А у нас здесь и светленько и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидим мы здесь да посиживаем, ладком да мирком. В карточки захотелось поиграть — в карточки поиграем; чайку захотелось попить — чайку попьем».

Различались игры азартные (jeux de hazard), зависящие, как написано в толковом словаре Даля, «не от искусства, а от одного счастья», то есть везенья. И игры коммерческие — где «входит в расчет уменье». Наиболее сложными из коммерческих игр в Европе считался ломбер, а в России — винт.

В 1761 году в законах Российской империи сделали различие между азартными играми (их запретили) и коммерческими (их разрешили, если ставка была, как говорится, «по маленькой»). Так и написали, что, мол «позволяется употреблять игры в знатных дворянских домах, только ж не на большие, но на самые малые суммы денег, не для выигрыша, но единственно для препровождения времени».

Через двадцать лет — следующий закон, где сентиментально подтвердили, что «буде игра игроку служила забавою или отдохновением посреди своей семьи и с друзьями и игра не запрещена, то вины нет». Но если же игра «служит промыслом», дом, где играют, «открыт день и ночь для всех людей без разбора», и игра дает «прибыток запрещенный», то тут уж полиция может с игроками не церемониться.

В начале XIX века игроков в азартные игры привлекали к суду, а с 1842 года и не только игроков, а всех, присутствовавших при азартной игре.

А народ, несмотря на наказания, все больше игрой увлекался. Ведь не поспоришь, что азарт в характере русского человека: в самых безвыходных ситуациях мы не теряем надежды на какие-то гипотетические шальные деньги, на быстрое и чудесное обогащение...

Чтобы играть, но играть «в рамках приличия», игру завели в клубах, которые стали возникать в России в конце XVIII века по образцу английских аристократических клубов. Первый клуб так и назывался — Английский.

В «первопрестольной» Москве во второй половине XIX—начале XX веков было несколько мест, где вечерами (точнее, ночами) шла карточная игра. Это уже упомянутый Английский клуб, Охотничий, Купеческий и Немецкий клубы, Литературно-художественный кружок. Считалось, что там играли «по маленькой», но ходили слухи, например, что богач Михаил Морозов проиграл за ночь в Купеческом клубе миллион рублей.

В каждом клубе в то время состояло от 300 до 800 членов. Платили членские взносы. Но на самом деле доходы общественных клубов пополнялись главным образом от игры в карты. На «картежные» деньги и капиталы на развитие этих «общественных организаций» накапливались, и помещения арендовались, а потом и собственная недвижимость приобреталась.

Вот, например, Купеческий клуб, созданный в Москве в 1786 году. За 60 лет (1863–1913) доходы клуба составили примерно 7,7 млн руб. 16 % принесли членские взносы. А больше 50 % (4,1 млн руб.) шло с доходов

дицию для уничтожения. Выносить карты из клубов запрещалось законом.

С 1905 года, по новым правилам, даже в течение суток одной колодой нельзя было играть долго. Была введена обязательная перемена карт в 12 часов ночи, а затем через четыре часа после начала игры.

Ежегодная выручка от карточных игр особенно возросла в Купеческом клубе с 1897 года. В начале XX века она составляла по 200 и более тысяч рублей в год. (Если принять эквивалент по товарному паритету, то в переводе на современные деньги это составило бы более \$4 млн в год.)

Откуда брались штрафы? Их платили те, кто засиживался за картами после официального закрытия клуба в два часа ночи. Далее каждые полчаса охваченный манией игры всегда оплачивал проведенное им время

гальбик, покер, палки, кабала, бостон, шкотт. Запрещались игры: макао, баккара, стрекоза. Старшины клубов давали подписку, что будут нести ответственность перед полицией.

Но азарт пересиливал все запреты. В 1888 году генерал-губернатор распорядился о запрещении в московских клубах карточной игры под названием «железная дорога» (в просторечии «железка»). Но с наступлением глубокой ночи в «железку» играли на самые крупные ставки. В 1908 году — повторный строжайший приказ о запрещении «железной дороги». И что же? Да ничего. 29 января 1909 года полиция внезапно нагрянула в Купеческий клуб. Был составлен акт о том, что в «железку» играли 30 человек. Клуб был закрыт по приказу московского генерал-губернатора на один месяц.

Получая значительные доходы от карточной игры, клубы вкладывали свои капиталы, естественно, в самое надежное — в недвижимость. Они обзаводились собственными зданиями.

Когда в 1909 году у Купеческого клуба истек срок аренды здания на Большой Дмитровке и его владельцы (кстати, члены клуба) Бахрушины подняли годовую арендную пла-

Масти карт изображают четыре главных предмета рыцарской жизни. Трефы — эмблема меча, пики — копья, бубны — герба, черви — щита. В XV веке обозначения мастей получили вид, дошедший до наших дней

от карточной игры. Эти суммы складывались от продажи карт (1,5 млн руб.) и от взимания штрафов (2,6 млн руб.).

По закону, утвержденному высочайшим повелением царя Александра II в 1868 году, воспрещалось продавать карты иностранные и игранные. Всякий раз играли только новыми картами. На территории России допускались к использованию только карты, изготовленные на государственной (императорской) фабрике, и все доходы от продажи передавались на содержание приютов для детей-сирот. Использованные карточные колоды запечатывались и отправлялись из клубов через специальную экспе-

в карточной комнате Купеческого клуба по прогрессивной шкале.

Например, в 2 часа 30 минут ночи надо было заплатить 30 коп., чтобы играть следующие полчаса, а в 5 часов 30 минут утра — уже 38 руб. 10 коп. Поскольку ставки бывали и в десятки тысяч рублей, то 38 руб. были пустяком (для сравнения: килограмм свежей осетрины стоил 1 рубль, а самая дешевая корова — 30 рублей).

Ходили слухи, что ночами шла игра не только в разрешенные, но и в запрещенные игры. Разрешались игры: винт большой и малый, преферанс, ералаш, вист, экарте большое и малое, пикет, рамс большой и малый, безик,

миллионер Бостанжогло. Он подписал чек на 100 тыс. руб. и положил на стол.

Когда открыли карты, то у Сумбатова-Южина было пять очков, а у Бостанжогло — победоносная десятка. Банк был сорван. Аристократическая выдержка и актерский талант спасли Сумбатова-Южина. Князь «барственным жестом провел рукою по лбу и спокойно-небрежным тоном сказал: «Ну, а теперь пойдем пить красное вино!»

Карточная игра приносила Литературно-художественному кружку надежный доход. Например, в сезоне 1914–1915 годов общий приход был 122 300 руб., из них от продажи карт 21 500 руб. и от штрафов 51 350 руб. В следующем сезоне 1915–1916 годов всего 146 000 руб., из которых от продажи карт 22 900 руб., и от штрафов 72 100 руб. Изредка раздавались протесты, что, мол, «стыдно клуб сливок московской интеллигенции превращать в игорный притон». На это с улыбкой возражали, что тогда надо повысить членские взносы раз в десять–двадцать (ежегодно взносы приносили 15 тыс. руб., то есть в шесть раз меньше, чем карты) да нанять помещение поскромнее, чем трехэтажный особняк Востряковых (о качестве этого дома красноречиво говорит тот факт, что после революции туда въехал Московский городской комитет партии, а после него — прокуратура СССР).

И критики замолкали, а интеллигенция Серебряного века продолжала наслаждаться жизнью.

За помещение в доме Востряковых кружок платил 26 тыс. руб. в год. Много. Но зато: анфилада просторных залов с мягкой мебелью и картинами по стенам; роскошный читальный зал библиотеки, где на комфортабельных турецких диванах можно было читать новейшие заграничные и русские журналы и смаковать книжные редкости. Буфет с изысканным, но недорогим меню и тончайшими винами. Многочисленные услужливые официанты в зеленых фраках с золотыми пуговицами (зарплата им превышала членские взносы в полтора раза). Что еще желать?

Все технические новинки тут же осваивались. Появилось электричество — с избытком осветили все анфилады и залы, не жалея 7 тыс. руб. в год. Возникла возможность поставить телефоны (а они стоили тогда по-

больше, чем сегодняшние мобильные из дорогих) — поставили.

И опять о недвижимости. Капиталы у Литературно-художественного кружка почти за 20 лет накопились серьезные, перевалившие за полмиллиона рублей. По примеру Купеческого клуба решили обзавестись собственным зданием.

В 1915 году Литературно-художественный кружок приобрел владе-

100–105 квадратных саженей (450 м²), из них одна большая около 35 квадратных саженей (более 150 м²) с помещением для хранения карт (примерно 10 м²).

В жюри пригласили архитектурных знаменитостей — Шехтеля, Машкова, Клейна и других. Победил проект С. Чернышева, выдержанный в стиле итальянской дворцовой архитектуры эпохи Возрождения.

Ежегодная выручка от карточных игр в начале XX века составляла минимум **200 тыс. руб.** Если принять эквивалент по товарному паритету, то в переводе на современные деньги это было бы **более \$4 млн в год**

ние по Малой Дмитровке у наследников Макаровых. Покупка обошлась в 137 тыс. руб. Был объявлен всероссийский архитектурный конкурс. На строительство здания отводилась сумма 400 тыс. руб.

Проекты должны были включать обязательно: зрительный зал на 650–700 мест, прекрасно оборудованную сцену, не менее шести артистических уборных, буфет, библиотеку, три гостининых, два зала заседаний, бильярдную и кегельбан, парикмахерскую, телефонные кабины. Близ дома планировался сад с террасой.

Вторыми по значимости после концертного зала в списке условий, предъявляемых к проекту, шли «56 карточных комнат, общей площадью

Увы, этот дворец так и не был построен. Первая мировая война, начавшись в 1914 году, затянулась дольше, чем предполагали. В 1916 году Литературно-художественный кружок продлил договор аренды с Востряковыми. Решили ждать, когда кончится война, а потом уж и начать строительство. Да вот незадача. Война еще не закончилась, как уже грянула революция. В костре политических катаклизмов и сопутствующей инфляции сгорели в 1917–1918 годах и мечты и капиталы Литературно-художественного кружка.

Романтическая эпоха картежных страстей, видимо, уже навсегда осталась в прошлом. Мир играет сейчас в другие, новые, игрушки. **ИН**

Чае еаееті а І ііоа-Еаеіе. І а-аеі ОО ааеа.